

НАТАША РИДАЛЬ

18+

Убийство
В КЕМБРИДЖЕ

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ»
в номинации «Лучший исторический детектив»

Наташа Ридаль

Убийство в Кембридже

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57578186

SelfPub; 2020

Аннотация

1918 год станет для семьи Кронгельм роковым. Юной эмигрантке из России предстоит испытать превратности первой любви и оказаться в эпицентре расследования запутанного убийства. Всё не так, как кажется на первый взгляд. Поэзия, страсть и смерть – на фоне бессмертной красоты Кембриджа. Персонажи этой истории являются частично или полностью вымышленными.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наташа Ридаль

Убийство в Кембридже

*Потрепанный томик Шекспира,
Свидание в летнюю ночь,
Послы после шумного пира
Под утро разъедутся прочь.
Беда у ворот Эльсинора,
Грехов не замолит король,
И смерти играть уже скоро
Свою бессловесную роль.*

Глава 1

Свет врывается в окна крытого моста. Призраки осужденных едва успевают раствориться под потолком, и в этот момент можно услышать их вздохи. На стенах начинают проступать истории чудовищных злодеяний. Каждая достойна книги. Я решила написать свою. Ведь я, кажется, совершила убийство...

– Помнишь, Соня, *rara* рассказывал, что над рекой Кем есть мост Вздохов? Он не похож на венецианский. В Кембридже он намного красивее. Эта мысль будет утешать меня, когда я стану женой главы колледжа Святого Иоанна, – Катя отвернулась к обледеневшему окну, кутаясь в котиковую шубку.

Мерный стук колес погружал в состояние безмятежного созерцания. Страхи остались позади, как и трескучие морозы покидаемой навсегда России. Я машинально гладила плюшевого мишку, который заметно прибавил в весе из-за спрятанных в животе фамильных драгоценностей. Впрочем, большую часть спасенных ценностей *taman* везла в своем корсете.

Мы выехали из Петрограда 26 декабря, а по григорианскому календарю было уже 7 января. Впервые на моей памяти семья не просто не отметила новый год, а упустила сам

момент его наступления. Тогда, в поезде, который, казалось, вот-вот застрянет в снегах Финляндии и Швеции, и после, на британском крейсере, мы даже не предполагали, что 1918 год станет для нас роковым.

Сестра Катя появилась на свет на четыре года раньше меня. Обе мы получили домашнее образование, вероятно, потому что *papa* и *tatan* не смогли прийти к согласию в вопросе выбора подходящего для нас учебного заведения. Граф Иван Петрович Кронгельм окончил Кембриджский университет, водил знакомство с живущими в Петербурге англичанами и даже — в виде исключения — являлся членом Нового Английского клуба на Большой Морской, председателем которого был не кто иной, как британский посол сэр Джордж Бьюкенен, добрый друг *papa*. Вера Алексеевна Кронгельм, еще будучи Верочкой Добровольской, окончила Смольный институт благородных девиц и впоследствии с гордостью вспоминала свой 54-й выпуск.

Разумеется, в семье было принято говорить по-английски. Катя также блестяще знала французский и немецкий, а я в силу своей неусидчивости научилась лишь сносно читать на этих языках. Точные науки мне и подавно не давались. *Maman* возлагала большие надежды на кроткую и прилежную Катю, а я считалась бунтаркой и любимицей *papa*. Он разделял мою страсть к поэзии и увлечение акмеистами.

Перед самой войной он привел меня в «Подвал Бродячей собаки», куда около полуночи съезжалась столичная богема.

Там читал стихи мой кумир Николай Гумилев, и хоть внешне поэт не произвел на меня впечатления, тот вечер попал в категорию моих бесценных воспоминаний.

В сентябре 1914 года *papa* ушел на фронт, а *tatan* отослала нас с Катей на дачу в Териоках. Мне было шестнадцать. Я злилась, бродила по берегу Финского залива, рвалась душой в Петроград и отчаянно писала стихи. Конечно, о любви, о которой я тогда не имела представления. Зимой тетрадки, исписанные моими каракулями, пошли на растопку камина.

Нам больше не довелось увидеть *papa*. Иван Петрович погиб следующей зимой в Карпатах, освобождая крепость Перемышль.

Вера Алексеевна, раздавленная этой новостью, оставалась в Петрограде, поддерживая связь с семьей сэра Джорджа. Определенно, *tatan* была возмущена тем, что посол поддержал переход России к конституционной монархии в начале 1917 года, однако его негативное отношение к вооруженному восстанию большевиков вновь примирило их.

Катя и я по-прежнему жили в Териоках. *Maman* писала нам о введении карточек на хлеб, погромах булочных и участвовавших забастовках. А когда началась конфискация помещичьих земель и имений и господам запретили применять наемный труд, графиня Кронгельм приняла непростое решение.

Вызвав нас сестрой в Петроград в середине декабря, она

изложила свой план:

– Друзья советуют бежать в Англию, пока мы еще можем хоть что-то спасти. В России у нас нет будущего. И не надо патриотического пафоса и слез. Из Лондона я напишу университетскому другу Ивана.

– Вы говорите о докторе Уэйде, *tatan*? – встрепелась Катя.

– Не хмурься, дорогая, складочка на лбу тебя не украшает. Мы с Иваном гостили у Томаса Уэйда шесть лет назад, когда он только стал главой колледжа Святого Иоанна. Он человек блестящего ума и, насколько мне известно, так и не связал себя узами брака. Однако я заметила, как он смотрел на твою фотографию, Катерина. С тех пор ты превратилась в милую девушку, которая вполне может составить достойную партию доктору богословия с собственной резиденцией в колледже и годовым доходом, позволяющим содержать тещу и свояченицу.

На несколько секунд мы с Катей лишились дара речи. Я опомнилась первой:

– Вы действительно намерены продать дочь за годовой доход ученого старикана?

– Боже, Софья, когда ты, наконец, перестанешь дерзить матери? Иногда мне кажется, что тебя вообще не воспитывали. Следовало всё-таки отправить тебя в Смольный, – *tatan* вздохнула и слегка сменила тон. – Пойми же, кроме фамильных драгоценностей, у нас ничего не осталось. Мы

сможем жить на них в Лондоне полгода или год, а что потом? Кто возьмет вас в жены без положения и средств к существованию?

– Я выйду замуж по любви, остальное не имеет значения, – безапелляционно заявила я.

– В девятнадцать лет все так говорят, – усмехнулась *tatan*, устало опускаясь в кресло. – Какой поэт сказал, что бедность убивает любовь?

– Роберт Геррик.

– Так прислушайся хотя бы к нему.

Катя предательски молчала. *Maman* повернулась к ней, вызывая к ее благоразумию:

– Душа моя, я бы всё отдала ради твоего счастья. Пусть Томас уже не молод, но он был духовно близок с твоим *rara*, имел схожие взгляды и интересы. Я верю, что ты сумеешь полюбить его. Разумеется, я тебя не принуждаю. Но подумай о сестре и обо мне. В твоей власти спасти нас от нищенского существования на чужбине.

Я осталась при своем мнении и очень удивилась, поняв, что Катя серьезно обдумывает слова *tatan*. Когда мы сели в поезд на Финляндском вокзале, сестра уже почти смирилась с мыслью, что принесет себя в жертву во имя нашего благополучия.

Бежать из России нам помог сэр Джордж. Посол возвращался в Англию с семьей, в сопровождении адмирала и нескольких офицеров. Нам предоставили купе в спальном

вагоне англичан. В Бергене началось наше путешествие по штормящему Северному морю, завершившееся 17 января в шотландском городке Лит. Из Эдинбурга в Лондон мы приехали первым классом и остановились в отеле «Савой».

Глава 2

Матан, привыкшая к роскоши, не желала слышать о переезде в отель попроще. В конце прошлого столетия открытие «Савоя» стало настоящей сенсацией. Прежде в отелях не было электрических лифтов и ламп, а в номерах – каскадного душа и переговорной трубки для связи с персоналом. Однако лично для меня главный шарм «Савоя» состоял не в шикарных интерьерах, а в том, что здесь останавливался Оскар Уайльд. Мне даже довелось посидеть за его любимым столиком в одном из ресторанов отеля.

В Лондоне совсем не было снега, но английская зима оказалась сырой и туманной. В ожидании ответа от доктора Уэйда мы курсировали между нашими номерами и основным рестораном с видом на Темзу, которая проглядывала за деревьями сада.

Я жила с Катей, *матан* – отдельно. В первые дни, поднимаясь в номер, я с замирающим сердцем приближалась к окну, гадая, увижу ли часовую башню Вестминстерского дворца, или столица «туманного Альбиона» лишь привиделась мне в каком-то невероятном сне. Я всю жизнь мечтала оказаться здесь, но теперь дико тосковала по даче в Териоках.

За ужином постояльцы собирались за длинными столами, где *матан* поддерживала светскую беседу, а мы с Катей преимущественно помалкивали и слушали. Разговоры в конеч-

ном итоге всегда сводились к войне. В нашей семье после смерти *papa* эта тема была под негласным запретом.

Однажды напротив меня оказалась пара: молодой человек с медно-рыжими волосами и модно одетая блондинка. Глядя на нее, я внезапно подумала о том, как сильно война повлияла на женские стрижки. Волосы девушки едва прикрывали уши, а на затылке были аккуратно выбриты. Я заметила, как презрительно дрогнул уголок рта *tatan*, когда ее взгляд скользнул по незнакомке.

– Бедный Олли, – хихикнула блондинка, обращаясь к своему рыжеволосому соседу. – Значит, у тебя на теле остались рубцы после этого горчичного газа?

– Язвы от ожогов заживали почти три месяца, – слегка покраснев, ответил молодой человек. – Но теперь я могу вернуться в Кембридж и восстановиться на втором курсе. Питер Дорси тоже приедет.

– Питер! – воскликнула девушка. – Надеюсь, он всё такой же красавчик!

– Но ведь ты ждала меня, правда, Агнес?

– Разумеется, котенок, – глаза Агнес лукаво сверкнули. – Знаешь, Олли, я думаю осенью поступать в Ньюнэм. Дочка служащего железной дороги будет учиться в Кембридже. Звучит почти как сказка!

В этот момент я позавидовала блондинке с бритым затылком. *Papa* говорил, что годы учебы оставались самыми волшебными в его жизни, несмотря на то что он был очень

счастлив, когда встретил *taman*. Я знала, что Ньюнэм – один из двух колледжей, основанных в Кембридже во второй половине XIX века специально для женщин. Пусть мы пока не добились права получать ученую степень, зато знания получали наравне с мужчинами, хоть и отдельно от них.

Вера Алексеевна отложила салфетку и, отодвинув стул, обратилась к сидевшей рядом Кате:

– У меня опять началась мигрень. Пойду в постель. Не засиживайтесь долго, это неприлично.

Возникший в дверях управляющий с поклоном пропустил ее. Окинув взглядом наш стол, он вдруг переменялся в лице и быстро подозвал официанта. Я услышала его гневный шепот:

– Почему не вынесли Каспара?

– Простите, сэр. Гостей должно было быть четырнадцать. Я поздно заметил, что не хватает мадмуазель Глории, артистки. Вероятно, в последний момент она передумала ужинать в отеле... Быть может, русская графиня не суеверна?..

– Репутация отеля – для вас пустой звук, Бриггс? – кипятился управляющий. Он продолжал говорить, удаляясь вместе с официантом в другую часть зала.

Я непонимающе взглянула на Катю и прочла в ее глазах такое же недоумение. Пожилая дама слева от меня посмотрела на нас, как на недоучившихся школьников, и снисходительно пояснила:

– В Англии есть примета: если за столом собралось три-

надцать человек, первого, кто встанет, постигнет несчастье.

– Но ведь это всего лишь суеверие? – не слишком уверенно проговорила я.

– Скажите это хозяину отеля, застреленному после того, как на одной из вечеринок за столом оказалось тринадцать гостей, – прошамкала дама, сохраняя британскую невозмутимость. – С тех пор в «Савое» на место четырнадцатого гостя сажают статуэтку кота по имени Каспар. Изящная работа из черного дерева. Ему повязывают салфетку и ставят перед ним блюда. А сегодня забыли... Уже и не припомню, чтобы в последнее время за столом собиралось больше десяти человек. Мальчишки умирают на войне. Это страшнее суеверий.

Дама замолчала, и я снова разобрала шепот Агнес:

– Я приму душ и надену свою новую короткую комбинацию. Ты обязательно должен ее оценить. Дай мне ключ!

Блондинка и еще несколько постояльцев встали из-за стола почти одновременно. Молодой человек, которого Агнес называла Олли, продолжая улыбаться, рассеянно повернул голову, и наши взгляды случайно встретились. Меня учили не пялиться на незнакомцев, но почему-то в этот раз я не смогла удержаться. Медно-рыжими были не только его волосы, но и брови и ресницы, а россыпь веснушек на коже напоминала хаотичные брызги от упавшей кисти. В России мне не доводилось видеть таких огненных людей.

Улыбка Олли стала еще шире, и я смущенно улыбнулась в ответ.

– Нам пора, – заметила Катя, коснувшись моей руки.

Мы вернулись в номер, но что-то изменилось. Я никак не могла понять, что именно. Только с того дня меня стала преследовать обворожительная улыбка рыжего незнакомца.

Глава 3

Доктор Уэйд пригласил нас в гости в свою резиденцию в колледже Святого Иоанна. Мы приехали в Кембридж весной, когда всюду цвели вишни. Розовые лепестки и бежевые стены, воздвигнутые сотни лет назад, статуи королей и святых на башнях, взирающие на нас с высоты своего почтенного возраста, торопливая речка Кем, и на всём этом – отпечаток войны. На крикетных полях колледжей разместились полевые госпитали. В часовнях не прекращалась чередя поминальных служб. В новой реальности больше не было места катанию на лодках, крем-брюле и майским балам, о которых с упоением рассказывал *papa*.

Но даже несмотря на это я сразу почувствовала, что колледж, возглавляемый доктором Уэйдом, – настоящий райский уголок. Через Большие ворота вы попадаете в Первый двор, окруженный зданиями разных исторических эпох. Самые ранние датируются XVI веком. Справа возвышается часовня, которую отстроили на месте средневековой во второй половине прошлого столетия. Между Первым и Вторым двором – Обеденный зал с готической крышей, сохранившей дух старой доброй Англии.

Второй двор, оформившийся на рубеже XVI-XVII веков, по праву считается самым красивым двором эпохи Тюдоров. Из него можно пройти в библиотеку и Третий двор, где

также перемешалось несколько архитектурных стилей. Меня особенно поразили дома, выходящие на реку причудливыми голландскими фасадами.

Колледж Святого Иоанна – счастливый обладатель сразу двух великолепных мостов через Кем. Я больше полюбила мост Рена, с которого приятно любоваться изяществом моста Вздохов, соединяющего Третий двор с Новым и больше похожего на узкую крытую галерею со стрельчатыми окнами, как в древних соборах. Иногда мне казалось, что в решетках, вставленных вместо стекол, вот-вот заиграют призрачные цветные витражи.

Неоготический Новый двор оказался именно таким, каким его описывал *rara*. Построенный к середине XIX века, он стал первым крупным сооружением среди зданий университетских колледжей на западном берегу реки. Его сводчатая галерея с большими окнами показалась мне идеальным местом для прогулок.

Увы, Вере Алексеевне претила мысль, что ее несовершеннолетняя дочь будет окружена легкомысленными представителями противоположного пола, так что прогулки по угольям мне разрешили только летом, когда студенты разъехались на каникулы, и в колледже остались лишь сестры милосердия и раненые солдаты. А до тех пор я коротала дни за чтением сказок Льюиса Кэрролла в доме моего будущего зятя.

Томас Уэйд оказался довольно замкнутым человеком со

странно асимметричным лицом. Ему было немного за пятьдесят.

В первый же вечер *tatan* сказала Кате:

– Ты ему понравилась. Уверена: скоро он сделает предложение.

Так и вышло. Через неделю нашего пребывания в Кембридже сестра уже была обручена. Вера Алексеевна и доктор Уэйд решили, что венчание состоится в конце лета, а до тех пор жених и невеста смогут лучше узнать друг друга.

Доктор Уэйд не настаивал на том, чтобы Катя сменила вероисповедание, однако вопрос венчания в англиканской церкви даже не обсуждался. До свадьбы сестра и я жили в соседних комнатах.

Резиденция главы колледжа располагалась севернее Третьего двора и представляла собой уютный двухэтажный дом с деревянными панелями, портретами и элементами декора времен Тюдоров, сохранившимися после разрушения северного крыла Первого двора. Я могла беспрепятственно гулять по саду, а из моей спальни открывался вид на реку и окна преподавательских комнат на другом берегу.

У доктора Уэйда имелись два лакея, экономка, кухарка и несколько горничных. *Maman* настояла на личной горничной, которая бы прислуживала ей и Кате. Я заявила, что в состоянии одеваться и причесываться без посторонней помощи.

Будущий зять с утра до вечера работал в своем кабине-

те или читал лекции. Время от времени к нему приходили студенты, которых он курировал, а на ужин иногда приглашались друзья – Уилфрид Кэннон и Джозеф Уолш. Вероятно, они были ровесниками, немного моложе Уэйда и гораздо привлекательнее, если говорить о внешности.

– Уилфрид Кэннон, профессор английского языка и литературы, – так глава колледжа представил нам высокого джентльмена с прямым носом и рыжеватыми седеющими волосами.

Мне показалось, что пристальные глаза Кэннона задержались на Вере Алексеевне несколько дольше, чем позволяли приличия. Второй джентльмен, кареглазый шатен, сдержанно кивнул, когда настал его черед быть представленным.

– Проктор Джозеф Уолш. Его мантия магистра гуманитарных наук может сбить вас с толку. Чтобы вы знали, проктор – это своего рода глава университетской полиции, он следит за порядком и дисциплиной в колледже, – улыбаясь, пояснил доктор Уэйд.

– Боюсь, моя младшая дочь способна доставить вам хлопот, – полушутя-полусерьезно заметила *татап*.

Я вспыхнула и до конца ужина вела себя подчеркнуто вежливо.

– Знаете, я слежу за событиями в России. И не только как человек, интересующийся политикой, – признался Кэннон во время второго или третьего визита. – У моей жены Мэри русские корни. Она жила в России, пока не получила в

наследство от дяди поместье в графстве Мидлсекс. У меня холостяцкая квартира в колледже, а на каникулы я уезжаю к ней.

– Наверное, это тяжело – жить в разлуке, – с сочувствием произнесла Вера Алексеевна.

– Ничуть. С возрастом замечаешь, что семестры летят всё быстрее и быстрее. Александр Поуп был чертовски прав, говоря, что «сменяющие друг друга годы каждый день что-то крадут у нас, пока, наконец, не украдут у нас нас самих». Мэри не любит всю эту студенческую суету. Впрочем, иногда она приезжает погостить.

– А вы не женаты, проктор? – как бы невзначай поинтересовалась *tatan*, и я подозрительно покосилась на нее.

– Нет, – мягким голосом ответил Уолш. – Пожалуй, я слишком ценю свою свободу.

Я хихикнула, не сдержавшись: попытка графини сосватать вторую дочь потерпела крах на первом же этапе. Вера Алексеевна нахмурилась, доктор Уэйд и профессор Кэннон с недоумением посмотрели на меня, а Уолш едва заметно улыбнулся. Неужели он разгадал тактику *tatan*?

Кроме друзей хозяина дома с нами периодически ужинал студент по имени Энтони Барретт, уже имеющий степень бакалавра гуманитарных наук. Заочно рекомендуя его Вере Алексеевне, доктор Уэйд, являющийся наставником молодого человека, сказал буквально следующее:

– Мистер Барретт отличается примерным поведением и

деликатностью. Я попросил его провести для вас небольшую экскурсию по Кембриджу. Если мисс Кэт и мисс Софи впоследствии изъявят желание совершить прогулку, он может их сопровождать, а вы будете совершенно спокойны за них. Узнав мистера Барретта, вы сами убедитесь в его порядочности.

На вид я бы дала Энтони лет двадцать пять, но он держался так, словно ему все сорок. Экскурсия оказалась весьма увлекательной, однако меня начала раздражать почтительная дистанция, которую этот кареглазый блондин неизменно соблюдал со мной и Катей, независимо от присутствия *tata*. На мой вкус он не был красивым или даже обаятельным, как Кэннон или Уолш, но благодаря ему я получила глоток свободы: Вера Алексеевна стала отпускать меня с ним даже без Кати, которая предпочитала жизнь затворницы.

На лето Энтони остался в Кембридже, и вдвоем мы исходили его вдоль и поперек, незаметно сделавшись добрыми друзьями.

Глава 4

До венчания оставались считанные дни. Катя старалась улыбаться, однако я видела, как она нервничает. По взаимному уговору, оставаясь наедине, мы переходили на русский язык.

– Ты вряд ли его полюбишь, да?

Сестра быстро взглянула на меня. Мы поднялись к ней в комнату сразу после завтрака, чтобы невеста примерила свадебное платье – скромное, но элегантное.

– Не говори этого при *татап*. Я вообще не уверена, что любовь существует. Я сейчас не о нежной дружбе, соединявшей *татап* и *рара*, – поспешно добавила Катя, – и не о глубоком уважении, которое я питаю к Томасу. Я говорю о страсти, от которой якобы теряют голову. По-моему, такая любовь бывает только в романах.

– Если доктор Уэйд не вызывает у тебя желания, что вполне объяснимо, это еще не значит, что испытать настоящую страсть невозможно.

– Ты-то что знаешь о страсти? – невольно рассмеялась Катя. – Ты, случаем, не влюбилась в Энтони?

Я насупилась:

– А что, если влюбилась?

– Чушь! Томас полагает, что Энтони – гомосексуалист. *Матап* это не нравится, но она считает, что пусть уж лучше

ты проводишь время с ним, чем тебя соблазнит какой-нибудь первокурсник. И я с ней согласна! Сейчас молодежь не думает о будущем, лишь о сиюминутных удовольствиях.

– Ты говоришь о сексе?

– Заметь, это ты произнесла это слово.

Катя снова переделалась в будничное платье-рубашку.

– Но разве не страсть толкает девушек на такие отношения с мужчинами?

Когда тебе всю жизнь внушали, что до свадьбы нельзя помыслить даже о поцелуях, обсуждать тему свободной любви, не сгорая при этом от стыда, было весьма затруднительно.

– Нет, дорогая Сонечка, это не страсть, а естественная физиологическая потребность. Как у животных. По-моему, это мерзко.

– А по-моему, мерзко то, что тебе придется спать с доктором Уэйдом! – выпалила я и ушла в свою комнату.

Достав из-под подушки оригинальное издание «Алисы в Стране чудес», я листала книгу, пока не наткнулась на сложенный вдвое листок – стихотворение, написанное мной в прошлом месяце. Я никому его не показывала, ведь эта вырванная из тетради страница хранила тайну моего сердца.

В очередной раз я пробежала глазами по строчкам, которые знала наизусть:

Слова и музыка, и ветер:
Ночь урагана и Шопена.

– Пора! Проснись же! – день ответил
Забытым голосом Биг Бена.

Экзамен памяти – насмешка.

Я снова делаю ошибки.

Алиса, как и Белоснежка,
Ждет поцелуя, не улыбки.

Мой друг чеширский, я устала

Тебя угадывать в прохожих.

Одной улыбки слишком мало,
И слишком много их похожих.

А дождь всё тот же, как нарочно,

Но сад теперь совсем безлюдный.

Вернуться – в сущности, не трудно.

Вернуть – уже едва ль возможно...

Снова спрятав листок в книгу, я попыталась отогнать возникшее перед глазами лицо с россыпью веснушек. Память предательски размыла его черты, но я помнила сад за окнами «Савоя» и часовую башню за пеленой дождя. Любил ли Олли Агнес, или их свела вместе «естественная физиологическая потребность»? Вернулся ли он в Кембридж, где у меня имелся один шанс из тысячи однажды встретить его на улице? И что бы я сделала, увидев его? Я бы не смогла заго-

ворить первой. Определенно, мне просто необходимо в кого-нибудь влюбиться, чтобы забыть рыжеволосого незнакомца, одарившего меня случайной улыбкой...

Венчание Кати и Томаса Уэйда состоялось в часовне колледжа. Кроме меня и Веры Алексеевны присутствовали Джозеф Уолш, Энтони Барретт, пять или шесть преподавателей и темноволосый молодой человек в синей студенческой мантии.

Меня удивило, что *taman* поздоровалась с ним так, будто они давно знакомы.

– Кто это? – шепотом спросила я, воспользовавшись паузой, пока мальчики из хора занимали свои места.

– Майкл Грир, он изучает экономику. Нас познакомил Томас, и я попросила Майкла об услуге.

– Чем он может быть вам полезен, *taman*? – искренне удивилась я, снова окинув взглядом прыщавое лицо студента, которое, пожалуй, кому-то могло показаться симпатичным.

– Он помогает мне в финансовых вопросах, но тебя, душа моя, это не касается.

Пальцы Веры Алексеевны с легким раздражением сжали набалдашник бамбуковой трости – любимой детали костюма, с которой она никогда не расставалась. Я вздохнула и начала рассматривать витражи на окнах часовни.

Глава 5

Пришла осень, а с ней и новый семестр. Колледж опять наводнили студенты, и мои прогулки по угожьям свелись к двум-трем утренним вылазкам за неделю, хоть я и отказывалась понимать эти пережитки прошлого, когда нас воспринимали не иначе как источник соблазна, и единственными женщинами, которых могли лицезреть молодые люди, были престарелые, давно утратившие привлекательность служанки, убиравшие их комнаты.

Профессор Кэннон вернулся из Мидлсекса. Я стала замечать, что его визиты в резиденцию доктора Уэйда участились, и по большей части он проводил время в обществе одной лишь Веры Алексеевны. Когда лакей подавал в гостиную чай с булочками, сквозь приоткрытую дверь доносился смех *taman*, от которого мы с Катей давно отвыкли.

Энтони заметил, что я загрустила, и каким-то чудом добился разрешения показать мне вечерний Кембридж. Я надела легкое платье: сентябрьская ночь еще дышала теплом, но на всякий случай захватила редингот – предмет моей особой гордости к неудовольствию *taman*, вкусы которой безнадежно устарели. А между тем длинное дамское пальто с глубокими карманами, покроем напоминающее сюртук для верховой езды, только-только вошло в моду с легкой руки хозяйки ателье из Биаррица по имени Коко Шанель.

В Первом дворе Энтони неожиданно повернул направо и заговорщически понизил голос:

– Мы не идем на прогулку. Я придумал кое-что получше. Только обещай не проболтаться.

– Конечно, – охотно ответила я, поняв, что мы поднимаемся в студенческие апартаменты.

Энтони толкнул дверь одной из комнат на третьем этаже, и мы оказались в помещении, где вся мебель была сдвинута к стене, а на полу на расстеленном покрывале сидели две девушки и двое молодых людей. Судя по закускам, разложенным перед ними, и шампанскому, пенившемуся в дешевых стаканах, студенты решили устроить пикник под крышей колледжа.

Лицо одной из девушек показалось мне странно знакомым, а потом я взглянула на ее кавалера, и внезапно мое дыхание сбилось. Молодой человек с медно-рыжими волосами махнул нам рукой и воскликнул:

– Энтони! Наконец-то! Ты представишь нам свою таинственную подругу?

– Софи Кронгельм, – сказал Энтони и взял у меня из рук редингот. – Софи, знакомься, это Оливер Конли, Питер Дорси, Агнес Хортон и Джулия Лэмб.

– Давайте к нам! – позвала хорошенькая Джулия. – Питер, подвинься! Оливер, у тебя есть еще стаканы?

– Обижаешь, – усмехнулся молодой человек и на секунду задержался возле меня. – Мы раньше не встречались?

Проклятое оцепенение не желало проходить, и пока я раздумывала над ответом, объект моих мечтаний, казалось, уже забыл свой вопрос. Он разлил шампанское в найденные где-то стаканы, и мы все расселись на полу.

– Агнес и Джулия учатся в колледже Ньюнэм, – пояснил Энтони, с опаской наблюдая, как я пригубила шампанское. – Если «джип» увидит их здесь, им не поздоровится.

Я уже знала, что «джипом» называют слугу, который выполняет мелкие поручения студентов, будит их по утрам, а заодно сообщает наставнику, если кто-то не ночевал дома.

– Нам всем не поздоровится, – заметил Питер.

Мне рассказали, что до войны трое друзей учились на одном курсе. В конце 1914 года они решили идти добровольцами на фронт, однако Энтони признали негодным к службе из-за врожденной сердечной недостаточности, и он продолжил обучение в Кембридже, пока бывшие однокурсники сражались во Фландрии.

– Мы оба получили серьезные ранения во время третьей битвы при Ипре, – помрачнев, сообщил Питер. – Немцы обстреляли нас снарядами с желтым крестом. Мы об этом не говорим.

Если бы не мое необъяснимое влечение к Оливеру, я бы, наверное, влюбилась в Питера Дорси. Голубоглазый блондин был красив как бог, а его гладкой коже позавидовала бы любая девушка. Вероятно, Джулия думала так же, ибо то и дело бросала на него томные взгляды.

Неожиданно для самой себя, я оказалась вовлечена в спор о влиянии древнегреческих мифов и античного театра на драматургию последующих веков.

– Большинство сюжетов, обыгрываемых в пьесах, в той или иной мере позаимствовано у античных авторов, – горячо говорил Питер. – Возьмем, к примеру, «Короля Лира». Только слепой не увидит в трагедии Шекспира отголосков «Царя Эдипа»!

– Твоя теория справедлива лишь отчасти, – возражал Энтони. – Я смогу согласиться с ней, если ты назовешь мне хотя бы один античный сюжет в пьесах Оскара Уайльда или Бернарда Шоу.

Питер собирался что-то ответить, но тут заговорила Агнес:

– Всё это безумно интересно, вот только у нас вечеринка, а не литературный диспут.

– Что ты предлагаешь? – спросил Оливер, лениво улыбаясь девушке.

Я заметила, что он смотрел на нее не так, как прошлой зимой в «Савое». В его обращении с Агнес сквозила скорее привычка, чем пылкая увлеченность, словно он устал от нее, но оказался слишком малодушен, чтобы первым разорвать отношения. Интуитивно я чувствовала, что он из тех мужчин, которые легко влюбляются и так же быстро теряют интерес к своим пассиям. Это переворачивало все мои представления о прекрасном принце, достойном моей руки и сердца.

– Давайте поиграем, – сказала Агнес, – как играли до войны. В «Клуб совпавших ассоциаций».

Пока Оливер искал бумагу и карандаши, Энтони объяснил нам с Джулией правила игры. «Председатель клуба» называет любое произведение и записывает на листе первое, что приходит ему на ум – любимый момент или просто запомнившийся поворот сюжета. Каждый участник пишет свою ассоциацию в связи с данным произведением, а затем зачитывает ее вслух. Если у нескольких игроков окажутся идентичные записи, они разыгрывают между собой право стать следующим «председателем». Если же кто-то из игроков описал тот же момент, что «председатель», он загадывает желание, которое «председатель» непременно должен исполнить.

– Например, прочитать стихотворение Китса или залпом выпить стакан шампанского, – усмехаясь, пояснил Питер.

– Загаданное произведение обязательно должно быть всем известно, – договорил Энтони. – Тот, кто его не читал, временно выбывает из игры.

– А тот, кто откажется исполнить желание, с позором исключается из «клуба», – добавил Оливер, бросив быстрый взгляд на меня, отчего я невольно покраснела.

Агнес вызвалась начать и предложила шекспировскую трагедию «Ромео и Джульетта». Меня почему-то не удивило, что любимым фрагментом обеих девушек оказалась сцена с Ромео, клянущимся в любви под балконом Джульетты. К

слову сказать, я думала, что не буду оригинальной, записав в листочке: «Чума на оба ваши дома!», однако больше никто не вспомнил о смерти Меркуцио.

Исполняя желание подруги, Агнес назвала год основания колледжа Ньюнэм.

– Это была слишком простая задача, но для начала сойдет, – кивнул Питер, и должность «председателя» сохранилась за Агнес.

Дальнейшие «заседания клуба» проходили без совпадений, пока роль «председателя» не досталась мне.

– «Алиса в Зазеркалье», – взволнованно объявила я и быстро записала свой любимый момент.

Ассоциации, возникшие у студентов, вызвали на их лицах улыбки. Скрип грифеля по бумаге прекратился почти одновременно.

– «Шалтай-Болтай сидел на стене», – зачитал Энтони.

– «Шалтай-Болтай свалился во сне», – пропел Питер, подмигивая Джулии.

– У меня то же самое: «Шалтай-Болтай», – призналась она, демонстрируя всем свой аккуратный почерк.

– «Алиса играет с черным котенком, который размотал клубок шерсти», – прочла Агнес и взглянула на Оливера. – Это так мило, правда?

А он в это время смотрел на меня, слегка прищурившись, словно пытался угадать мои мысли, и, похоже, не заметил перемены в лице подруги.

– Олли, что у тебя? Читай уже! – капризно потребовала Агнес.

Улыбаясь, он опустил глаза в свой листок:

– «Кровь из пальца! Хлещет кровь! – Вы укололи палец? – Еще не уколола, но сейчас уколою».

Я потупилась, чувствуя на себе нетерпеливые взгляды собравшихся. Энтони слегка нахмурился и не без труда разобрал мои каракули:

– «Белая Королева сначала закричала, а потом уколола палец».

– Совпадение с «председателем»! – объявил Питер. – Мистер Конли, озвучьте свое желание.

Я робко заглянула в глаза, обрамленные рыжими ресницами. Вдруг я не смогу ответить на его вопрос, и он сочтет меня скучной или глупой?

– Поцелуй меня, – сказал Оливер. – Только в губы, иначе не считается.

– Что? Это низко! – воскликнула Агнес.

Энтони с беспокойством посмотрел на меня:

– Ты не обязана его целовать.

– Протестую, Ваша честь! – вмешался Питер. – «Клуб» не делает исключений. Софи должна исполнить желание или навсегда лишится членства.

Я медленно встала. Оливер тоже. Мы шагнули друг к другу, стараясь не наступить на пустые тарелки. Энтони предпринял последнюю попытку спасти меня от меня самой:

– Оливер, придумай другое желание!

– Ты ведь это несерьезно, Олли? – сердито проговорила Агнес.

Его пальцы коснулись моей щеки. Я невольно раскрыла губы и, кажется, забыла, что нужно дышать. Его губы оказались горячими. Я ощутила жар его тела сквозь рубашку и в этот момент поняла, почему девушки отдаются мужчинам, теряя свою репутацию вместе с невинностью.

– С меня хватит! – возмутилась Агнес.

Она порывисто встала и направилась к двери. Оливер наконец отпустил меня.

– Это всего лишь игра, – сказал он, оборачиваясь к подруге.

На глазах блондинки выступили слезы.

– Для тебя всё – игра! Я думала, война тебя изменила. Но я ошиблась. Ты остался ребенком и, очевидно, никогда не повзрослеешь!

Агнес резко развернулась и вышла в коридор. Энтони тихо кашлянул за моей спиной.

– Думаю, нам пора, – он поднялся на ноги, бросив многозначительный взгляд на Оливера, накинул мне на плечи редингот и попрощался с Питером и Джулией.

Весь путь до резиденции доктора Уэйда мы молчали и старались не смотреть друг на друга.

Глава 6

После той вечеринки Энтони долго не показывался мне на глаза. Вероятно, он испытывал чувство вины за то, что познакомил меня с Оливером, или не желал становиться посредником между нами: он знал, что его друг мне не пара, и надеялся оградить меня от него, временно устранившись из моей жизни. Вот только я чувствовала, что наша близость неизбежна. Я хотела этого, хоть и не до конца понимала природу своего желания. Каждый вечер я серьезно обдумывала перспективу улизнуть из дома, явиться к Оливеру – и будь что будет. Но меня останавливала мысль, что он может меня отвергнуть, а еще хуже – пожалеть.

Матан слегка ослабила надзор, и я стала чаще гулять по угольям колледжа и вдоль реки в часы дневного отдыха студентов. Одни проводили это время в библиотеке, другие – в обществах и клубах, а кто-то, как и я, совершал неспешный променады под желтыми кронами каштанов.

В пятницу, 4 октября, прогуливаясь по берегу напротив Королевского колледжа, я случайно встретила Джулию. Она окликнула меня, и дальше мы пошли вместе.

– Агнес порвала с Оливером, и я больше не вижу Питера, – с тоской вздохнула девушка.

Думаю, ей было лет двадцать, как и мне. Вероятно, мы составляли контрастную пару: голубоглазая блондинка об руку

с кареглазой шатенкой. Студенты оборачивались нам вслед, а мы делали вид, что не замечаем их. Мы вышли на одну из центральных улиц.

– Слушай, Софи, – сказала Джулия, – может, ты как-нибудь пригласишь меня на вечеринку к Оливеру?

– Но я с ним не общаюсь. А Энтони пропал.

– Жаль... Зайдем в паб? – вдруг предложила моя новая подруга, не меняя тона, словно речь шла о визите к портнихе.

В паб? *Матан* сочла бы это если не бунтом феминистки, то уж наверняка неслыханной дерзостью. Узнай она о том, что дочь посещает подобные заведения, меня бы тут же приговорили к пожизненному заточению в доме Уэйда. Я представила, как доктор богословия кряхтя устанавливает решетку на моем окне, и невольно рассмеялась.

– Зайдем!

И вот мы уже стоим у барной стойки паба «Игл». В соседнем полутемном зале с деревянными панелями шумно обедают студенты из ближайших колледжей.

Я оглядела столики с порога.

– Софи!

От звука этого голоса по коже побежали мурашки.

– Привет, Оливер! – справившись с волнением, ответила я.

Джулия тоже заметила его, мы подошли, и Оливер встал нам навстречу.

– Ты здесь один?

– Я жду Питера. Что вам взять?

– Джин с тоником.

– А мне пинту эля, – рискнула я, глядя на темный напиток в стакане Оливера.

Джулия устроилась за столиком и, пока кавалер покупал нам напитки, шепнула мне на ухо:

– Как я выгляжу?

– Идеально, – улыбнулась я. – Как будто ты знала, что у тебя сегодня свидание.

– Всегда надо быть к этому готовой, – подмигнула мне Джулия. – Мало ли что ожидает тебя за воротами колледжа.

Студент вернулся с напитками и, передавая мне стакан, слегка коснулся моих пальцев. Джулия начала что-то рассказывать, кокетничая с ним. По-видимому, она кокетничала со всеми молодыми людьми, независимо от того, нравились они ей или нет. Оливер не слишком внимательно ее слушал, а я даже не пыталась понять, о чем она говорит. Мне казалось, что мое сердце грохочет на весь зал.

В какой-то момент я заметила, что к нашему столику приближается молодой человек, которого я уже где-то встречала. Ну конечно: прыщавое лицо, пытливые карие глаза, чуть надменная улыбка – помощник *tatam* в финансовых вопросах!

– Софи! Вот уж не думал увидеть тебя здесь! Я обязательно выражу графине Кронгельм свое восхищение по поводу ее прогрессивных взглядов на воспитание дочерей.

– Не стоит, – пролепетала я.

Оливер обернулся и небрежно окинул взглядом моего собеседника:

– Мы знакомы?

– Не думаю. Майкл Грир, – прыщавый студент протянул руку, присаживаясь на соседний стул.

– Оливер Конли.

Однако рукопожатия не последовало. Майкл сделал вид, что это его нисколько не задело.

– Джулия Лэмб, – в свою очередь сдержанно кивнула блондинка.

Помощник *tatai* снова повернулся ко мне и едва заметно усмехнулся:

– Отрадно видеть, что у тебя появились друзья, Софи. Между нами, компания педика – не самая лучшая для девушки.

Оливер изменился в лице. Разумеется, он догадался, что Майкл намекал на Энтони, но вслух произнес:

– Вы к себе слишком строги, мистер Грир.

– О нет, мистер Конли, вы меня не так поняли. Я имел удовольствие видеть мисс Софи всего раз – на свадьбе доктора Уэйда.

– Не припомню, чтобы вы получали приглашение сесть за наш столик, – сухо сказал Оливер, поймав мой несчастный взгляд.

– В самом деле, – признал Майкл и нехотя поднялся. Уже

собираясь уходить, он вдруг наклонился к Оливеру. – Мистер Конли, будьте осторожны. Не совершите того, что может стоить вам отчисления из университета. Это было бы весьма досадно, особенно на последнем курсе и особенно потому, что сэр Ричард уже выхлопотал для вас место в министерстве иностранных дел.

Оливер сжал кулаки. Я почти физически ощутила его раздражение.

– Он угрожал тебе! – возмущенно воскликнула Джулия, когда Майкл скрылся из виду. – Неприятный тип. Выходит, он знает, из какой ты семьи. Помню, Агнес говорила, что твой отец – баронет. Полагаете, Грир расскажет графине, что видел здесь Софи?

Я растерялась. Кто бы мог подумать, что Оливер – вовсе не бедный стипендиат! В этот момент появился Питер, и моя подруга сразу переключилась на него.

Час спустя наша компания вывалилась из паба. Питер отправился провожать Джулию, а мы с Оливером зашагали к колледжу Святого Иоанна. Наконец я оказалась наедине с человеком, от близости которого меня сковывал страх и одновременно охватывало жгучее желание касаться его. Как ни банально это звучит, я чувствовала себя мотыльком, летящим на пламя. Голова немного кружилась после выпитого эля. Оливер молча курил. Неужели он так и будет всю дорогу молчать?

Когда мы подошли к воротам колледжа, он всё же решил-

ся объяснить, тщательно подбирая слова:

– Софи, я постоянно думаю о тебе. Но буду с тобой честен: слово «брак» вызывает у меня изжогу. Зная это, ты бы согласилась встречаться со мной?

– Стать твоей девушкой на семестр?

Я давно была готова к чему-то подобному, однако меня удивила прямота Оливера.

– Может быть, на два, – немного смущенно улыбнулся он. – Понимаю, как это звучит. Просто я не хочу причинить тебе боль. Только не тебе, Софи.

– Спасибо, что развеял иллюзии.

Он остановился и посмотрел мне прямо в глаза:

– Так ты придешь сегодня ночью?

Сегодня? Меня бросило в жар.

– Да, – прошептала я, развернулась и почти побежала через двор, словно секунда промедления могла поколебать мою решимость.

Глава 7

В тот вечер на ужин в доме главы колледжа оказались приглашены сразу пять человек. Я спустилась в гостиную, обставленную в викторианском стиле, и, к своему удивлению, обнаружила на козетке Энтони Барретта. При взгляде на меня его губы растянулись в неловкой улыбке, и он поспешно опустил глаза. Я вежливо поздоровалась с проктором Уолшем и холодно кивнула неприятному Майклу Гриру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.